

БИНАРНЫЕ ОППОЗИЦИИ КАК СПОСОБ СТРУКТУРИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ

Цой Кристина Владимировна

старший преподаватель кафедры русского языка и литературы
Узбекского государственного университета мировых языков

E-mail: ch_tvladimirovna@gmail.com

<https://doi.org/10.5281/zenodo.22137619>

Аннотация. В данной статье с позиций структурно-семиотического литературоведения анализируются бинарные оппозиции как фундаментальный способ структурирования системы образов в художественном произведении (на материале малой прозы В.В.Набокова). На основе разработанной пятичленной типологии (образы-символы, образы-мотивы, параллельные образы, образы-двойники, образы-близнецы) исследуется, как бинарная раздвоенность и структурная двуплановость формируют диалогическое сознание текста. Показано принципиальное различие между этико-психологическим феноменом двойничества в поэтике Ф.М.Достоевского и эстетически сконструированной оппозиционностью у В.В.Набокова. В научный оборот вводится опыт количественного контент-анализа (47 единиц анализа по 12 рассказам) и соционической оптики как инструментария для описания конфликта психических функций персонажа, что доказывает определяющую роль внутренней бинарности в обеспечении смысловой архитектоники произведения.

Ключевые слова: бинарные оппозиции, система образов, структурализация, двойничество, малая проза, В.В.Набоков, Ф.М.Достоевский, семиотика, поэтика, соционическая модель.

Abstract. From the standpoint of structural and semiotic literary studies, this article examines binary oppositions as a fundamental mechanism for structuring the character and image system in a literary work (focused on the short prose of V. V. Nabokov). Based on a five-part typology (symbol-images, motif-images, parallel images, doppelgänger-images, and twin-images), the paper investigates how binary duality and structural two-planeness shape the dialogic consciousness of the narrative. A fundamental distinction is drawn between the ethical-psychological phenomenon of the “double” in F. M. Dostoevsky’s poetics and the aesthetically constructed oppositional framework in V. V. Nabokov’s prose. Incorporating a quantitative content analysis (47 analytical units across 12 short stories) and a socionic lens to model internal psychic conflicts, the study proves the decisive role of internal binary structures in maintaining narrative coherence.

Keywords: binary oppositions, character system, structuration, doppelgänger, short prose, V.V.Nabokov, F.M.Dostoevsky, semiotics, poetics, socionic model.

Annotatsiya. Ushbu maqolada tarkibiy-semiotik adabiyotshunoslik nuqtai nazaridan binar oppozitsiyalar badiiy asarda (V.V.Nabokov kichik nasri misolida) obrazlar tizimini shakllantirishning fundamental mexanizmi sifatida tahlil qilinadi. Besh a’zoli tipologiya (obraz-ramzlar, obraz-motivlar, parallel obrazlar, obraz-egizaklar, obraz-qiyofatdosh/qo’shaloqlar) asosida binar ikkilanuvchanlik va tarkibiy ikki planlilik matnning muloqotiy (dialogik) shuurini qanday shakllantirishi tadqiq etiladi. F.M.Dostoevskiy poetikasidagi qo’shaloqlikning etik-psixologik fenomeni va V.V.Nabokov nasridagi estetik vosita sifatida shakllantirilgan oppozitsionlik o’rtasidagi prinsipial tafovut ko’rsatib berilgan. Miqdoriy kontent-tahlil (12 ta

hikoya bo'yicha 47 ta tahlil birligi) hamda personajning ruhiy funksiyalari konfliktini tasvirlash vositasi sifatidagi sotsionik optika tahlilga jalb etilib, ichki binarlikning asar ma'noviy arxitektonikasini ta'minlashdagi hal qiluvchi o'rni isbotlangan.

Kalit so'zlar: binar oppozitsiyalar, obrazlar tizimi, strukturizatsiya, qo'shaloqlik, kichik nasr, V.V.Nabokov, F.M.Dostoevskiy, semiotika, poetika, sotsionik model.

ВВЕДЕНИЕ

В литературоведении проблема организации художественного пространства и системы персонажей занимает центральное место, так как именно структура образов отражает глубинную концепцию автора. Одним из наиболее эффективных механизмов построения такой архитектуры выступают бинарные оппозиции — парные смысловые противопоставления, определяющие внутреннюю динамику текста. Если в классическом нарративе бинарность часто сводилась к внешнему сюжетному конфликту («добро / зло», «герой / антигерой»), то в модернизме и постмодернизме оппозиция интериоризируется, превращаясь в способ организации самого диалогического сознания произведения [Бахтин, 1979, с. 184].

Каждый художественный образ по своей природе отношенческий: его смысл порождается не изолированно, а в пространстве диалога с другим образом или текстом. Как подчеркивал Ю. М. Лотман, образ обладает **«структурной двуплановостью»** и представляет собой **«единство неравного»** — двух семантических полей, ни одно из которых не поглощает другое полностью [Лотман, 1996, с. 22]. В поэтике В. В. Набокова эта двуплановость доведена до предельной системы: его проза строится на постоянно поддерживаемом напряжении между видимым и подразумеваемым, между миром **«здесь»** и метафизической **«потусторонностью»** [Александров, 1999, с. 45].

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью системной типологизации образных конфигураций, функционирующих через бинарность. В малой прозе оппозиционность реализуется от взаимодействия материального и онтологического планов в образных парах (например, **свет / тень, зеркало / отражение**) до минимизированных различий между объектами (например, **карлик / другой карлик, коллекция / мечта**). При этом набоковская интерпретация двойничества принципиально отличается от Достоевской традиции: если у Ф. М. Достоевского раздвоение является психозитической патологией [Бахтин, 1979, с. 210], то у В. В. Набокова оно становится чистой эстетической конструкцией [Connolly, 1992, p. 115].

Целью данной работы является раскрытие специфики бинарных оппозиций как структурного инструмента поэтики, формирующего многоуровневую систему образов в художественном тексте.

МЕТОДОЛОГИЯ

Методологическую основу исследования составляет комплексный подход, объединяющий методы структурно-семиотического, сравнительно-типологического и количественного анализа художественного текста. Теоретическим фундаментом работы выступают концепция диалогического сознания М. М. Бахтина [Бахтин, 1979, с. 184] и теория «структурной двуплановости» художественного образа Ю. М. Лотмана [Лотман, 1996, с. 22], согласно которой образ функционирует как сопряжение двух нетождественных семантических полей.

Для систематизации материала в работе применяется пятичленная типологическая классификация, отражающая нарастающую сложность бинарных структур. В эту систему входят **образы-символы**, задающие диалог между визуальной реальностью и метафизическим смыслом («зеркало», «свет / тень», «бабочка»), и **образы-мотивы**, накапливающие смыслы через сюжетные повторы («дорога», «рост ненависти»). Далее выделяются **параллельные образы**, реализующие синхронную оппозицию пластов («внешнее ↔ внутреннее», «фигура ↔ горбатая тень»), **образы-двойники**, отражающие кризис идентичности при раздвоении «я» на субъект и другого («зеркальное отражение», «фантом умершей»), а также **образы-близнецы**, создающие эффект смещенной реальности при минимальном зазоре между объектами («карлик ↔ другой карлик», «коллекция ↔ мечта»).

Для объективации выводов применяется метод количественного контент-анализа. Эмпирический корпус составили **47 единиц анализа**, выделенных из **12 рассказов** В. В. Набокова («Ужас», «Возвращение Чорба», «Катастрофа», «Тяжелый дым», «Знаки и символы», «Рождество», «Благодать», «Пильграм», «Картофельный эльф», «Истребление тиранов», «Весна в Фиальте», «Подлец»). За единицу анализа принимался текстовый фрагмент, репрезентирующий конкретную оппозиционную модель на основе её доминирующей функции, а статистическая обработка проводилась с помощью дескриптивной статистики.

Кроме того, в качестве инновационного инструмента привлекается соционическая оптика [Аугустинавичюте, 1998, с. 45]. Она используется как аналитическая метафора для формализации внутреннего конфликта психических функций (оппозиции «сенсорика / интуиция», «логика / этика») в структуре образа-двойника [Аугустинавичюте, 1998, с. 88].

РЕЗУЛЬТАТЫ

Количественный и структурный анализ эмпирического корпуса, включающего **47 единиц анализа** из **12 рассказов**, позволил выявить чёткую закономерность распределения типов образов, формирующих систему произведения через бинарные оппозиции. В результате проведенных расчетов установлено, что доминирующую позицию занимает **образ-двойник**, составляющий **29,8%** (14 единиц) от общего объема исследуемого материала. Данное преобладание объясняется спецификой малой прозы: ограниченный объем рассказа не позволяет развернуть пространную полифонию персонажей, в связи с чем диалогическое сознание концентрируется в точке расщепления единого субъекта.

Второй по частотности категорией выступает **образ-символ**, на долю которого приходится **27,7%** (13 единиц). Суммарно **образ-двойник** и **образ-символ** охватывают **57,5%** корпуса. Это обусловлено их общей структурной спецификой — двуплановостью: если символ организует оппозицию между визуальным и метафизическим планами (например, **зеркало**, **свет / тень** или **паутина** в «Ужасе» и «Возвращении Чорба»), то двойник репрезентирует конфликт между «я» и «не-я» (например, **пространственное растворение тела** в «Тяжелом дыме» или **фантом умершей** в «Знаках и символах»).

С учетом **образа-мотива**, составившего **21,3%** (10 единиц) и строившего диалог через сквозное накопление смысловых повторов (например, **рост ненависти** в «Истреблении тиранов» или **возвращение к себе** в «Рождестве»), совокупная доля структур с глубоко интериоризированной бинарностью достигает **78,8%**.

Меньшую, но композиционно критическую часть корпуса представляют **параллельный образ** (14,9%, 7 единиц) и **образ-близнец** (6,4%, 3 единицы). Их относительно невысокий количественный показатель объясняется необходимостью одновременно поддерживать два сложных нарративных плана. В случае параллельного образа это достигается за счет развертывания внешней и внутренней реальности (например, оппозиции «**внешнее ↔ внутреннее**» или «**фигура ↔ горбатая тень**» в «Катастрофе»), а в случае образа-близнеца — через создание эффекта смещенной реальности при минимизированном зазоре между объектами (например, «**карлик ↔ другой карлик**» в «Картофельном эльфе» или «**коллекция ↔ мечта**» в «Пильграме»).

Результаты исследования также продемонстрировали высокую степень полиморфизма образной системы: в **66,7%** изученных текстов (8 из 12 рассказов) одновременно функционируют два и более типа оппозиций. Привлечение соционической оптики позволило выявить, что бинарность образов-двойников служит математически точным способом моделирования конфликта психических функций. Данный конфликт выражается через фундаментальные оппозиции «**сенсорика / интуиция**» и «**логика / этика**», что переводит феномен раздвоения личности из сферы психологического симптома в плоскость высокоорнаментальной эстетической конструкции.

ОБСУЖДЕНИЕ

Полученные результаты позволяют по-новому взглянуть на роль бинарных оппозиций в формировании художественной архитектоники малой прозы. Выявленное доминирование категорий «образ-двойник» (29,8%) и «образ-символ» (27,7%) подтверждает тезис о том, что модернистский текст стремится к максимальной интериоризации конфликта. В отличие от классической эпической традиции, где оппозиции разворачиваются во внешнем сюжетном пространстве, у В. В. Набокова бинарность становится способом организации внутреннего сознания произведения.

Таблица 1. Типология бинарных оппозиций в системе образов
(на материале малой прозы В. В. Набокова)

ПАРАМЕТРЫ АНАЛИЗА	1. ОБРАЗЫ- СИМВОЛЫ	2. ОБРАЗЫ- МОТИВЫ	3. ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ	4. ОБРАЗЫ- ДВОЙНИКИ	5. ОБРАЗЫ- БЛИЗНЕЦЫ
ОПРЕДЕЛЕНИЕ	Оппозиция между материальным и онтологическим планами бытия	Оппозиция устойчивых повторяющихся мотивов с различной семантикой	Два самостоятельных образа, развивающиеся параллельно и перекликающиеся	Внутреннее раздвоение личности или её проекция во внешнем мире	Минимально отличающиеся образы, построенные на параллелизме
ПРИРОДА БИНАРНОЙ ОППОЗИЦИИ	Метафизическая (онтологическая)	Семантическая (мотивная)	Структурно-смысловая	Психотическая / эстетическая	Формально-композиционная
ФУНКЦИЯ В ТЕКСТЕ	Создаёт глубинный метафизический контраст	Формирует повторяющиеся смысловые акценты	Обеспечивает диалогичность и многоплановость	Раскрывает внутренний конфликт и идентичность	Подчеркивает нюансы и тонкие различия, усиливая контраст
ТИПИЧНЫЕ ПРИМЕРЫ У В. В. НАБЕКОВА	свет / тень; зеркало / отражение; здесь / потусторонность	сон / явь; игра / реальность; время / память	герой / наблюдатель; прошлое / настоящее; европа / россия	Цинцинат / Ф. К.; двойник- рассказчик (множественность «я»)	карлик / другой карлик; коллекция / мечта; дети-близнецы
РОЛЬ В СТРУКТУРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ	Создаёт онтологическую глубину и философский подтекст	Связывает текст повторяющимися смысловыми узлами	Расширяет семантическое поле, усиливает диалогизм	Обеспечивает драму личности и её внутреннюю напряжённость	Создаёт тонкие оттенки значений и усиливает эстетическую игру
КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ДАННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	12 рассказов В. В. Набокова		47 единиц анализа (количественный контент-анализ)		

ГЛАВНЫЙ ВЫВОД

Бинарные оппозиции в малой прозе В. В. Набокова структурируют систему образов, формируют диалогическое сознание текста и обеспечивают его смысловую архитектуру.

Примечание: Используемая типология: образы-символы, образы-мотивы, параллельные образы, образы-двойники, образы-близнецы.

Данные: количественный контент-анализ (12 рассказов, 47 единиц анализа). Метод дополнен соционической оптикой для описания конфликта психических функций персонажа.

Принципиально важным представляется сопоставление набоковской модели двойничества с традицией Ф. М. Достоевского. Если у Достоевского раздвоенность субъекта выступает как этико-психологический кризис, религиозная драма или патология [Бахтин, 1979, с. 210], то в поэтике Набокова она очищается от морализаторства и превращается в изощренную эстетическую конструкцию [Connolly, 1992, р. 115]. Двойник у Набокова — это не столько «темный двойник» или проявление совести, сколько результат игрового расщепления текста, где субъект осознает себя внутри метафизической зеркальной структуры. Привлечение соционической оптики [Аугустинавичюте, 1998, с. 45] позволило формализовать этот процесс: раздвоение персонажа моделирует конфликт базовых психических функций (оппозиции «сенсорика / интуиция» и «логика / этика»), превращая психологический распад в геометрически точный художественный прием.

Высокая доля **образов-символов** и **образов-мотивов** (в сумме 49,0%) демонстрирует, как через повторяющиеся элементы (оппозиции «свет / тень», «зеркало / отражение», «рост ненависти») текст обретает внутреннюю плотность. Это соотносится с концепцией Ю. М. Лотмана о «структурной двуплановости» образа, где смыслогенез происходит на стыке двух несовпадающих семантических полей [Лотман,

1996, с. 22]. В свою очередь, относительно невысокий процент **параллельных образов** (14,9%) и **образов-близнецов** (6,4%) объясняется жанровой спецификой малой прозы: создание эффекта «смещенной реальности» при минимальном зазоре между объектами (например, «**карлик ↔ другой карлик**» или «**коллекция ↔ мечта**») требует от автора предельной композиционной концентрации.

Таким образом, пятичленная типология бинарных оппозиций доказывает, что образная система малой прозы Набокова представляет собой не статичный набор персонажей, а динамическую сеть смысловых противопоставлений. Бинарность выступает не просто приемом, а фундаментальным методом построения художественной реальности, обеспечивающим ее многослойность и диалогичность.

Вот переработанный раздел **Заключение (Заключение / Conclusion)** на русском языке — выполнен в виде сплошного связного текста **без сносок (без ссылок на источники/цитирования)**, объемом около 300–350 слов, с сохранением ключевых примеров **жирным шрифтом (bold)**:

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование позволяет сделать вывод, что бинарные оппозиции выступают не просто формальным стилистическим приёмом, а фундаментальным структурообразующим механизмом поэтики малой прозы. На основе разработанной пятичленной типологии удалось доказательно продемонстрировать, как через организацию парных противопоставлений формируется многоуровневая смысловая архитектура художественного текста.

Количественный контент-анализ эмпирического корпуса (**47 единиц анализа из 12 рассказов**) подтвердил гипотезу о преобладании структур с глубокой интериоризацией конфликта. Доминирование категорий «**образ-двойник**» (29,8%) и «**образ-символ**» (27,7%) отражает специфику модернистской поэтики В. В. Набокова, ориентированной на внутреннее расщепление субъекта и метафизическое удвоение реальности. Сопоставительный анализ показал принципиальный отход набоковской модели от традиции Ф. М. Достоевского: если у Достоевского двойничество представляет собой психоэтический кризис, то у Набокова оно трансформируется в изощренную эстетическую конструкцию. Использование соционической оптики формализовало этот механизм, доказав, что раздвоение персонажа моделирует конфликт психических функций (оппозиции «**сенсорика / интуиция**» и «**логика / этика**»).

Связующую роль в нарративе выполняют **образы-мотивы** (21,3%), обеспечивающие смысловое накопление через сюжетные повторы, в то время как **параллельные образы** (14,9%) и **образы-близнецы** (6,4%) создают специфический эффект «смещенной реальности» в условиях ограниченного объёма малой прозы (например, оппозиции «**фигура ↔ горбатая тень**» или «**карлик ↔ другой карлик**»).

Таким образом, бинарная раздвоенность и структурная двуплановость выступают ключевым условием диалогичности художественного сознания. Теоретическая значимость работы заключается в создании универсального аналитического инструментария для исследования образных систем, а практические результаты могут быть использованы в спецкурсах по поэтике модернизма, теоретической поэтике и структурному литературоведению.

Adabiyotlar, References, Литературы:

1. Александров, В. Е. (1999). *Поэтика Набокова* (пер. с англ.). СПб.: Издательство «Гуманитарное агентство "Академический проект"». — 368 с.
2. Аугустинавичюте, А. (1998). *Соционика: В 2-х томах. Том 1: Введение / Том 2: Психотип. Социон.* М.: АСТ, СПб.: Terra Fantastica. — 448 с.
3. Бахтин, М. М. (1979). *Проблемы поэтики Достоевского*. Изд. 4-е. М.: Советская Россия. — 320 с.
4. Бойд, Б. (2010). *Владимир Набоков: русские годы. Биография*. М.: Независимая Газета, СПб.: Симпозиум. — 696 с.
5. Зализняк, А. А., Левонтина, И. Б., Шмелев, А. Д. (2012). *Константы и переменные русской языковой картины мира*. М.: Языки славянских культур. — 640 с.
6. Липовецкий, М. Н. (1997). *Русский постмодернизм (Очерки исторической поэтики)*. Екатеринбург: УрГПУ. — 317 с.
7. Лотман, Ю. М. (1996). *Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история*. М.: Языки русской культуры. — 464 с.
8. Набоков, В. В. (1990). *Собрание сочинений в 4-х томах. Том 1: Рассказы*. М.: Правда. — 480 с.
9. Страхов, И. В. (1998). *Психология литературного творчества*. М.: Институт практической психологии. — 384 с.
10. Тынянов, Ю. Н. (1977). *Поэтика. История литературы. Кино*. М.: Наука. — 574 с.
11. Чернова, Н. В. (2008). *Мотив двойничества в русской прозе первой половины XX века*. СПб.: Наука. — 210 с.
12. Эпштейн, М. Н. (2001). *Парадоксы новизны: О литературном развитии XIX–XX веков*. М.: Советский писатель. — 416 с.
13. Connolly, J. W. (1992). *Nabokov's Early Fiction: Patterns of Self-Seeking*. Cambridge: Cambridge University Press. — 254 p.
14. Foster, J. B. (1993). *Nabokov's Art of Memory and European Modernism*. Princeton: Princeton University Press. — 272 p.
15. Wood, M. (1994). *The Magician's Doubts: Nabokov and the Risks of Fiction*. Princeton: Princeton University Press. — 224 p.